

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
МИГРАЦИОННЫХ
СВЯЗЕЙ ЕВРОПЫ**

Д. В. Житин*
А. И. Краснов*
А. В. Шендрик*

В последние десятилетия роль международной миграции в формировании населения большинства европейских государств многократно усилилась. Рост миграционной активности позволяет говорить о начале второго Великого переселения народов, изменяющего социокультурный облик Европы. Работа посвящена анализу географических особенностей международных миграционных потоков в странах Европы и их трансформации за последние 25 лет. В исследовании выявлены устойчивые тенденции миграционного процесса, определены миграционные профили отдельных государств и осуществлена их группировка по характеру динамики накопленной миграции. Изменение объемов накопленной миграции (эмиграции и иммиграции) отражает уровень вовлеченности в международные и глобальные процессы и может служить индикатором изменения привлекательности страны как для иностранцев, так и для своих граждан.

Проведенное исследование позволяет говорить об усилении деления европейских государств на отдающих и принимающих мигрантов и выявить пространственные особенности миграционных связей. Объем и локализация миграционных потоков в Европе определяются не только культурно-историческими причинами, такими как колониальное прошлое и общность языка, но и другими факторами. При этом масштабы притока иммигрантов часто не зависят ни от демографического потенциала страны-донора, ни от уровня ее социально-экономического развития. Связь между страной исхода мигрантов и местом их локализации является более сложной и многофакторной, чем это можно предположить изначально.

В работе сделаны выводы о необходимости выработки европейскими странами дифференцированной иммиграционной политики, учитывающей этнокультурные особенности принимающих социумов.

Ключевые слова: иммиграция; эмиграция; Европа; регионы и страны мира; миграционный поток; иммиграционная политика; миграционные связи

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 19.02.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5

© Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В., 2016

Существуют различные точки зрения на ту ситуацию, которая складывается в странах Европы в последние десятилетия, и особенно в последние годы, из-за массового наплыва мигрантов [4; 10; 12; 17; 21].

Можно дискутировать о том, является ли существующее положение дел уникальным, не имевшим аналогов в прошлом Европы и других регионов мира, или все происходящее уже неоднократно было в истории человечества и лишь отражает закономерности его общественного развития.

Независимо от оценок масштаб международных перемещений в последние десятилетия увеличился как на европейском субконтиненте, так и в мире в целом. Причиной этого стал процесс глобализации, наиболее ярко проявившийся увеличением миграционной подвижности населения.

В предлагаемой работе проанализированы данные о накопленной миграции (иммиграции и эмиграции) в странах Европы за период с 1990 по 2015 г. В качестве основного выбран метод сопоставления сведений о месте рождения и месте жительства, позволяющий учесть итоги межгосударственных перемещений населения за длительный временной период без суммирования ежегодного миграционного баланса прибытий и убытий. Такой подход позволяет оценить фундаментальные сдвиги в интенсивности и направленности миграционных движений, исключив при этом, насколько это возможно, влияние «фоновых» кратко- и среднесрочных возвратных и транзитных миграций.

В основные задачи данного исследования входило выявление устойчивых тенденций международной миграции в Европе, определение миграционного профиля отдельных государств и их группировка по характеру динамики накопленной миграции. Значительное внимание уделяется анализу пространственных особенностей миграционных связей и оценке перспектив развития миграционной обстановки в отдельных регионах и странах Европы.

Основным источником статистической информации для исследования стали данные по международной миграции Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [7].

Новая миграционная волна в Европе сформировалась не только за счет притока переселенцев из других регионов мира, но и благодаря увеличению объемов миграции между европейскими странами, имевшими существенные различия в уровне экономического, социального и политического развития. Важное значение для усиления миграционного обмена населением между государствами Европы имело падение так называемого «железного занавеса» — крушение мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом и последовавшее за этим снятие ограничения на выезд за пределы своей страны для жителей государств Восточной Европы.

Как отмечают российские и зарубежные исследователи [6; 15; 23], именно на период после 1990 г. и приходится быстрый рост количества и удельного веса иммигрантов в европейских странах. Он был вызван несколькими причинами. Во-первых, вооруженные конфликты на территории бывших СССР и Югославии, наряду с расширением Европей-

ского сообщества и усилением внутриевропейских интеграционных связей, привели к увеличению миграционных потоков в странах Европы. Во-вторых, важным фактором, способствовавшим росту интенсивности миграционных связей, стало увеличение транспортной доступности европейских стран для выходцев из бедных и охваченных вооруженными конфликтами стран Азии и Африки. Если во времена Марко Поло и Магеллана путь из Восточной Азии в Европу занимал многие месяцы, был сопряжен с огромными трудностями и его могли пройти лишь немногие, то сегодня перемещение людей на тысячи километров стало массовым явлением, доступным миллионам.

Сама по себе миграционная активность населения и ее конечный результат, выраженный в количестве выбывших и прибывших, не имеют однозначной оценки как фактор, влияющий на изменение социально-экономической и политической ситуации в стране (регионе). Большие или малые (относительно численности населения региона) объемы эмиграции и иммиграции могут рассматриваться и как положительное, и как отрицательное явление — в зависимости от господствующих в социуме представлений о его общественной пользе или вреде [3; 22].

Большой приток иммигрантов может оцениваться как благо для экономического развития государства. Так как среди иммигрантов больше, чем в среднем среди всего населения страны, доля лиц трудоспособного возраста, и особенно молодежи, это стимулирует развитие рынка труда, а также рост потребления [20]. То и другое становятся факторами, стимулирующими экономический рост.

В то же время очень часто образовательный уровень иммигрантов ниже, чем у местного населения, что приводит к социальной сегрегации и дополнительным государственным расходам на адаптацию и обустройство мигрантов. Иноэтничный характер иммиграции создает проблемы взаимодействия с коренным населением, приводит к быстрой трансформации существующих социальных норм и повышает уровень конфликтности в обществе. Многочисленные подтверждения этого мы видим сегодня на примере антииммигрантских выступлений в Германии, Франции, Австрии и ряде других европейских стран [26; 27].

Массовая эмиграция при низком уровне иммиграции имеет другие последствия для стран (регионов), которым она присуща. Миграционный тренд почти всегда направлен с территорий с более низким уровнем жизни в регионы, имеющим более высокие социальные стандарты¹ [1, с. 151]. При этом, по мнению ряда исследователей [9; 11; 16], мигранты обладают более высоким уровнем *пассионарности*, понимаемой как «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели» [5, с. 509]. Действительно, оставаться дома значительно проще, чем пускаться в неизвестность, ища счастье на чужбине. Но в случае массовой эмиграции через какое-то время страна

¹ Исключением является временная трудовая миграция в регионы с тяжелыми условиями жизни, но с высокой заработной платой, как это было при освоении большинства районов Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера России в советский период.

исхода становится довольно инертным традиционным обществом, с неблагоприятной половозрастной структурой населения, имеющего низкий потенциал для внутренней трансформации. В случае Европы наиболее характерные примеры этого — страны Балканского полуострова (Албания, Болгария, Македония, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория), в меньшей степени — страны Южной Европы (Португалия, Италия, Греция, Мальта).

Но массовая эмиграция — это не только консервация отсталости страны исхода населения, но и возможность будущего ренессанса. Связи с исторической родиной, скрепленные узами родства между миллионами людей, могут конвертироваться в инвестиции финансово успешных представителей диаспоры и дать толчок к экономическому развитию стран эмиграции [24]. В недавней мировой истории самый яркий пример этого — бурный экономический рост в Китае в 80—90-е гг. прошлого века, произошедший во многом за счет инвестиций *хуацяо* — представителей китайской диаспоры, проживавших за пределами КНР [2].

Кроме количественных показателей, позволяющих оценить интенсивность и результативность миграционных процессов, важно знать и географическую направленность (детерминированность) миграционных потоков — то, с какими странами и регионами те или иные государства Европы имеют наиболее тесные популяционные связи. В начале 1990-х гг. 59% всех иммигрантов в Европе было представлено жителями других европейских стран. Несмотря на падение «железного занавеса» и значительное расширение Европейского союза, что сформировало единый европейский рынок труда, к настоящему времени данный показатель не только не вырос, но и сократился на несколько процентных пунктов² (рис. 1).

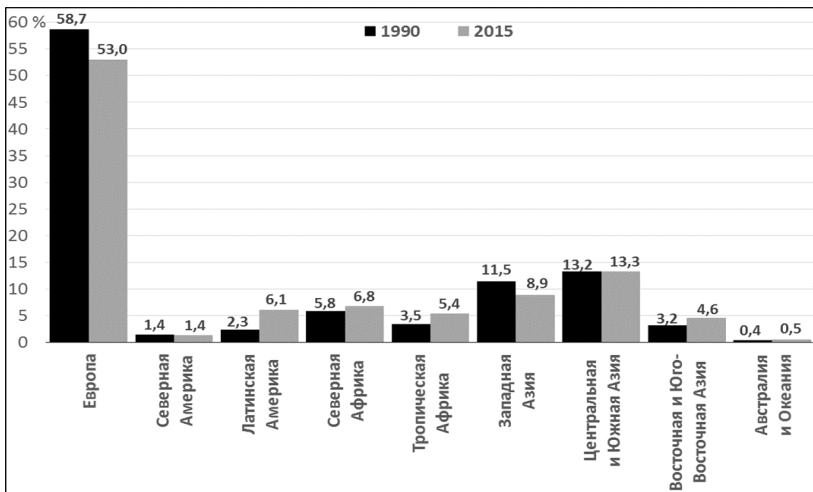

Рис. 1. Накопленная иммиграция в Европу из различных регионов мира (в % от общего числа иммигрантов)

Составлено авторами на основе [7].

² В 2015 г., по данным ООН, 53% европейских иммигрантов были жителями других европейских стран.

А вот эмиграция из европейских стран всё больше замыкается в пределах субконтинента: сегодня (2015 г.) более 2/3 уроженцев государств Европы, проживающих за пределами своей родины, живут в другой европейской стране. С 1990 г. данный показатель вырос на 10 процентных пунктов.

Наиболее интенсивный миграционный обмен населением происходит между государствами, имеющими общую сухопутную границу и давние исторические связи. Когда это подкрепляется этнической и языковой близостью населения, проживающего по обе стороны границы, то взаимные переселения доминируют в международных миграционных связях сопредельных стран. Если в среднем по 40 рассматриваемым европейским государствам на миграцию между государствами-соседями приходится около 36% всего миграционного оборота³, то для стран Восточной и Юго-Восточной Европы данный показатель значительно выше. Наиболее высокий показатель интенсивности миграционных связей со своими соседями характерен для трех постсоветских стран, республик бывшего СССР — России, Украины и Беларуси. Так, в Беларуси 87% жителей, родившихся за ее пределами, прибыли из соседних государств⁴; в России и Украине данный показатель составляет соответственно 70 и 82%. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении эмиграции: 79, 65 и 66% эмигрантов, родившихся соответственно в Беларуси, России и Украине, проживают в соседних странах.

В различных странах и регионах Европы география миграционных связей в значительной степени определяется их историей. Сегодня европейские государства, имевшие в прошлом обширные колониальные владения, принимают большую часть иммигрантов из соответствующих стран. Так, основной поток иммигрантов в Великобританию приходится на ее бывшие колонии в Южной Азии (Индию, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланку); во Францию — на страны Северной Африки (Алжир, Марокко, Тунис); в Нидерланды — на Индонезию, Суринам, Антильские острова; в Португалию — на ее бывшие колонии в Африке (Ангола, Мозамбик, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау) и Бразилию. Сегодня выходцы из бывших колоний в Великобритании составляют 54% всех иммигрантов⁵, во Франции — 50%, в Португалии — 54%, в Испании — 37%, в Нидерландах — 21%. В другие европейские страны иммиграции, не имевшие в прошлом значительных колониальных владений, основной миграционный поток устремился из государств Ближнего Востока. Так, в Германии, проводившей в конце XIX — начале XX в. активную политику на территории Османской Империи и Ирана, выходцы из Турции и стран Ближнего Востока составляют сегодня 18% иммигрантов. Уроженцы этого региона составляют около 1/5 иммигрантов и в государствах Скандинавии. И сегодня историческое прошлое

³ Из них 33% накопленной иммиграции и 40% накопленной эмиграции.

⁴ При этом 63% всех иммигрантов прибыли в Беларусь из России.

⁵ Включая выходцев из Ирландии и стран переселенческой колонизации — США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

определяет миграционные связи государств Европы — из приводимой таблицы видно, что у каждой крупной европейской страны есть свой регион происхождения мигрантов.

**Регионы происхождения и численность (тыс. человек) иммигрантов
в крупнейших странах Европы**

Страна	Общая численность иммигрантов	Регион происхождения иммигрантов										
		Западная Европа	Восточная Европа	Северная Америка	Латинская Америка	Северная Африка	Тропическая Африка	Восточная и Юго-Восточная Азия	Южная Азия	Центральная Азия	Западная Азия ⁶	Австралия и Океания
Германия	12006	18,8	40,8	1,3	1,9	1,7	1,8	4,1	1,1	10,6	17,8	0,1
Россия	11643	1,4	39,7	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	0,1	42,6	15,2	0,0
Великобритания	8543	20,5	15,5	3,6	5,4	1,5	15,6	10,4	19,0	0,9	5,1	2,5
Франция	7784	28,3	6,0	1,0	3,6	36,0	12,2	5,5	1,6	0,1	5,6	0,1
Испания	5853	20,1	18,5	0,8	37,7	13,2	3,3	3,6	1,8	0,1	0,8	0,1
Италия	5789	13,4	40,6	1,4	10,6	12,2	6,3	6,5	7,0	0,3	1,3	0,4
Украина	4835	5,9	77,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,4	0,1	11,6	4,7	0,0
Швейцария	2439	55,6	18,0	2,2	5,7	2,0	3,6	3,9	3,0	0,4	5,2	0,4
Нидерланды	1979	17,0	12,2	2,0	18,3	10,5	5,8	13,6	2,5	1,8	15,6	0,7
Швеция	1640	27,1	17,3	1,6	5,2	1,8	8,9	8,1	3,1	2,4	24,2	0,3
<i>Всего в Европе</i>	<i>76106</i>	<i>18,5</i>	<i>34,5</i>	<i>1,4</i>	<i>6,1</i>	<i>6,8</i>	<i>5,4</i>	<i>4,6</i>	<i>3,7</i>	<i>9,6</i>	<i>8,9</i>	<i>0,5</i>

Составлено авторами на основе [7].

В России, имеющей значительные внутренние различия в миграционной ситуации [8], более 96% иммигрантов и 77% эмигрантов приходится на республики бывшего СССР.

В последние десятилетия крупнейшим поставщиком мигрантов в экономически развитые страны Западной Европы⁷ стали восточноевропейские государства⁸. До 1990 г. по причинам политического характера

⁶ Для государств — бывших республик СССР иммигранты из Западной Азии представлены, прежде всего, выходцами из Грузии, Армении и Азербайджана.

⁷ Под определение «Западная Европа» в данном случае (и в таблице) подпадают 20 государств Западной, Северной и Южной Европы: Германия, Великобритания, Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Австрия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Португалия, Греция, Кипр, Мальта.

⁸ Под определение «Восточная Европа» в данном случае (и в таблице) подпадает 20 государств Восточной и Юго-Восточной Европы, до начала 1990-х гг., относившихся к странам социализма: Россия, Украина, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Молдова, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Македония, Албания, Болгария.

эмиграция из стран социалистического блока на Запад была минимальной. Некоторое исключение составляли республики союзной Югославии, граждане которых имели большую свободу передвижений и возможность уезжать на заработки в Германию, Австрию или Швейцарию. После падения «железного занавеса» в начале 1990-х гг. ситуация изменилась коренным образом, и миллионы жителей государств Восточной и Юго-Восточной Европы устремились на Запад. В результате сегодня выходцы из этих стран составляют от 30 до 55 % всех иммигрантов в таких западноевропейских странах, как Австрия, Германия, Италия, Финляндия, Ирландия, Греция.

При этом у жителей восточноевропейских государств существует географическая избирательность в выборе страны эмиграции. Причины такой избирательности часто достаточно очевидны. Так, 79 % уроженцев Албании, проживающих за рубежом, приходится на два соседних государства Южной Европы — Грецию (437 тыс.) и Италию (448 тыс.). Почти 1,7 млн эмигрантов из Румынии, получивших после вступления в ЕС право на свободный поиск работы в государствах Евросоюза, предпочли близкие в языковом отношении Италию (более 1 млн) и Испанию (660 тыс.). На эти два государства и Германию (590 тыс.) приходится 77 % всех эмигрантов из Румынии в страны ЕС. Эти же три страны, только в несколько иной последовательности (Испания — Германия — Италия), выбрали 53 % всех эмигрировавших в Евросоюз граждан Болгарии [7].

Германия как экономический локомотив Европы, имеющий диверсифицированный рынок труда и высокие социальные стандарты, вообще является наиболее привлекательной страной для жителей большинства восточноевропейских государств. Это касается не только ее восточных соседей — Польши и Чехии, но и Венгрии, Словакии, а также республик бывшей Югославии. Сегодня на Германию приходится четверть всех эмигрантов из Хорватии, 30 % покинувших Венгрию, более 40 % выходцев из Польши и почти 60 % переселенцев из Чехии.

Конкуренцию по привлекательности среди западноевропейских стран Германии составляют Великобритания и Ирландия. Эти страны первыми сняли все ограничения для трудоустройства граждан ряда восточноевропейских государств, вступивших в ЕС в 2004—2007 гг. В результате сегодня по количеству иммигрантов из Словакии, Латвии и Литвы Великобритания опережает все страны Европы, а для выходцев из Польши (703 тыс.) стала вторым (после Германии) по значимости государством эмиграции.

Но не всегда выбор мигрантами нового места жительства можно объяснить факторами географической удаленности, этнолингвистическим родством, культурно-историческими связями или показателями уровня социально-экономического развития государства. Можно понять, почему алжирская и марокканская диаспоры — наиболее многочисленные во Франции, индийская и пакистанская — в Великобритании, а турецкая и польская — в Германии. Нет секрета и в том, почему кроме марокканцев, живущих в непосредственной близости от Испании, в этой стране на Пиренейском полуострове сегодня много выход-

цев из Румынии и государств Латинской Америки. История России дает ответ на вопрос, почему наиболее тесные миграционные связи население нашей родины имеет с Украиной, Беларусью и Казахстаном.

Гораздо сложнее понять, почему во многих странах Западной Европы сформировались многочисленные диаспоры выходцев из государств, расположенных за тысячи километров и не имеющих никаких видимых связей со своей новой родиной. При этом локализация таких иммигрантов наблюдается именно в данной конкретной стране и отсутствует в соседних, имеющих сходные социокультурные и экономические параметры.

Приведем конкретные примеры. Так, в Люксембурге выходцы из Португалии составляют 38% всех иммигрантов, насчитывая 17% населения Великого герцогства. При этом в соседних с Люксембургом государствах — Франции, Бельгии и Германии — уроженцы Португалии составляют соответственно только 9,2, 3,1 и 0,8% всех иммигрантов. В Бельгии, чье население в 20 раз превышает по численности население Люксембурга, а общее количество иммигрантов больше в 5,5 раза, абсолютная численность португальцев в 2,2 раза меньше [7].

Другой пример. Три Скандинавские страны — Дания, Швеция и Норвегия — имеют сопоставимый удельный вес иммигрантов (соответственно 10, 17 и 14%) в численности населения. При этом удельный вес иммигрантов из Шри Ланки, одинаково далекой во всех отношениях от государств Скандинавии, в Норвегии в 5,7 раза больше, чем в соседней Швеции. В то же время количество выходцев из Бангладеш в Швеции в 7,3 раза больше, чем в Норвегии. В Швеции и Дании имеются многочисленные общины ливанских иммигрантов (26 тыс. и 13 тыс. соответственно), а в Норвегии количество уроженцев этой ближневосточной страны не превышает 2 тыс. человек.

Несоответствие по численности и удельному весу иммигрантов из различных стран мира имеет место и в крупнейших государствах Западной Европы. Так, Великобритания, Франция, Германия и Италия никогда не имели устойчивых миграционных и иных связей с Филиппинами, Таиландом и Афганистаном. Но в Великобритании и Италии существуют многочисленные диаспоры выходцев из Филиппин, насчитывающие более сотни тысяч человек, а во Франции и Германии удельный вес иммигрантов из этой страны в несколько раз меньше. По количеству иммигрантов из Таиланда Германия в 4,2 раза опережает Францию и почти в 8 раз Италию. Выходцы из Афганистана, прибывшие в Европу в последние десятилетия, спасаясь от ужасов гражданской войны, и получившие здесь право на убежище, предпочли остаться в Италии и Великобритании. Удельный вес афганцев⁹ в общей численности иммигрантов в этих странах в 10—20 раз превышает аналогичный показатель в Германии и Франции, где уроженцев Афганистана почти нет.

⁹ В данном случае имеется в виду не этническая, а государственная принадлежность.

Эти и другие подобные примеры позволяют говорить, что сегодня количественные и качественные параметры потока иммигрантов в той или иной стране Европы определяются не столько миграционной политикой данного государства, сколько выбором самих иммигрантов. Значение имеют также геополитическое и геоэкономическое положение отдельных стран и их регионов [13].

Но не только в локализации международных мигрантов, но и в интенсивности миграционных потоков далеко не всегда можно выявить географические закономерности, даже если речь идет о перемещении в достаточно однородной этнокультурной среде. В последние десятилетия сформировался мощный приток иммигрантов в Испанию из государств Латинской Америки, что обусловлено их этнокультурной близостью и привлекательностью бывшей метрополии как страны с более высоким уровнем жизни. Но обращает внимание на себя тот факт, что количество переселенцев из различных стран Латинской Америки, обосновавшихся на Пиренейском полуострове, часто не коррелирует с демографическим потенциалом этих государств. Так, численность уроженцев Эквадора (422 тыс.), проживающих в Испании, в 2,3 раза превышает количество находящихся на Пиренейском полуострове перуанцев (183 тыс.), хотя численность населения Перу (31,2 млн человек) в 2 раза превышает население Эквадора (15,3 млн) [7].

Тезис о том, что бедное¹⁰, полупатриархальное общество имеет более низкую пространственную мобильность населения, или обратное утверждение: в странах с более низким доходом уровень эмиграции выше — далеко не всегда подтверждаются. Так, из трех сопоставимых по численности населения государств Центральной Америки — Коста-Рики, Гватемалы и Гондураса — наибольшее количество проживающих в Испании иммигрантов приходится на самый экономически отсталый Гондурас. Численность уроженцев этой страны, обосновавшихся на Пиренейском полуострове, в 11 раз превышает количество выходцев из благополучной, по меркам Латинской Америки, Коста-Рики¹¹ и в 5 раз общину переселенцев из небогатой, но более многолюдной Гватемалы¹².

Из приведенных выше примеров видно, что география миграционных связей не укладывается в простую схему, согласно которой интенсивность миграционных потоков и выбор страны иммиграции определяется ее социально-экономическими параметрами, существующей культурно-исторической (и/или этнолингвистической) общностью, а также удобством транспортного сообщения. Очень часто невозможно

¹⁰ Здесь и далее термин «бедное» применительно к населению тех или иных государств имеет исключительно экономический смысл, предполагающий низкий уровень жизни.

¹¹ По данным Статистического отдела ООН [18], валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения с учетом паритета покупательной способности (ППС) в 2013 г. составил (в тыс. долларов США): в Коста-Рике — 10,2, в Гватемале — 3,5, а в Гондурасе — 2,3.

¹² Численность населения Гондураса составляет 8,7 млн человек, Гватемалы — 16,2 млн.

определить, что стало начальным толчком к формированию общин выходцев из той или иной страны (региона) мира. Иногда это действительно случайный (?) выбор группы иммигрантов, прослышавших о наличии где-то в Европе ранее не известной им «земли обетованной». Иногда толчком к формированию иммигрантской общины становится внешнеполитическая пиар-акция властей государства, как это было в середине 1990-х гг. в Финляндии, предоставившей статус беженцев большой группе сомалийцев [25]. Но дальнейший механизм количественного роста этнической диаспоры довольно однотипен и повторяется в различных странах.

На первом этапе группа иммигрантов получает право на постоянное жительство — либо на основании предоставления политического убежища, либо по иным соображениям «гуманитарного характера». В последующем община иммигрантов начинает численно разрастаться как за счет притока новых беженцев, так и за счет воссоединения с ближайшими родственниками, оставшимися в странах исхода. В современной Европе право на убежище и право на воссоединение семей являются базовыми принципами миграционной политики. Таким образом, сформировавшаяся этническая община становится мощным «магнитом», притягивающим новых иммигрантов. В результате за небольшой период времени буквально «на пустом месте» образуются крупные общины иммигрантов. Так, с 1990 по 2015 г. численность выходцев из Сомали, проживающих в Финляндии, увеличилась с 54 человек до 12,5 тыс. Сегодня уроженцы этого африканского государства составляют четвертую по численности иммигрантскую общину Финляндии, уступая только выходцам из соседних с Суоми стран — Эстонии (51 тыс. человек), Швеции (41 тыс.) и России (14 тыс.). За тот же период численность выходцев из Ирака, проживающих в Норвегии, увеличилась в 32 раза — с 0,7 до 22 тыс. человек, а афганской общины Великобритании — более чем в 130 раз — с 0,5 до 68,3 тыс. [7].

Изучение локализации миграционных потоков на территории Европы, анализ их количественных характеристик позволяют выявить не только географические особенности международной миграции на субконтиненте, но и те изменения, которые произошли в данной сфере за последнюю четверть века.

Так, несмотря на более чем полуторакратное увеличение с 1990 по 2015 г. количества иммигрантов в Европе в целом, темпы их прироста по отдельным странам заметно различались. Если после серии вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии численность иммигрантов в странах Юго-Восточной Европы выросла на 40%, то в государствах Скандинавии данный показатель увеличился в 2,6 раза, а в странах Южной Европы — в 4,4 раза¹³. Как видно из рисунков 2 и 4, снижение количества не местных уроженцев произошло только в республиках бывшего СССР (за исключением России), Польше, Боснии и

¹³ Наибольший прирост иммигрантов в 1990—2015 гг. имел место в Испании, где численность некоренного населения за указанный период увеличилась почти в 7 раз.

Герцеговине. В наибольшей степени сокращение численности лиц, родившихся за пределами страны проживания, имело место в государствах Балтии (Эстонии, Латвии, Литве) и Молдове, а также в Боснии и Герцеговине. В этих государствах численность «некоренного населения» за два с половиной десятилетия снизилась в 1,6—4 раза. Но если в бывшей югославской республике причиной такого сокращения стала продолжавшаяся почти четыре года гражданская война и сопровождавшие ее этнические чистки, то в государствах Балтии и Молдове изменение этнического состава населения было осуществлено мирным путем, через проведение целенаправленной государственной политики выдавливания «мигрантов» [14]. Снижение численности и удельного веса иммигрантов произошло также в Беларуси и Украине, но масштаб изменений здесь был значительно меньшим¹⁴ (рис. 2).

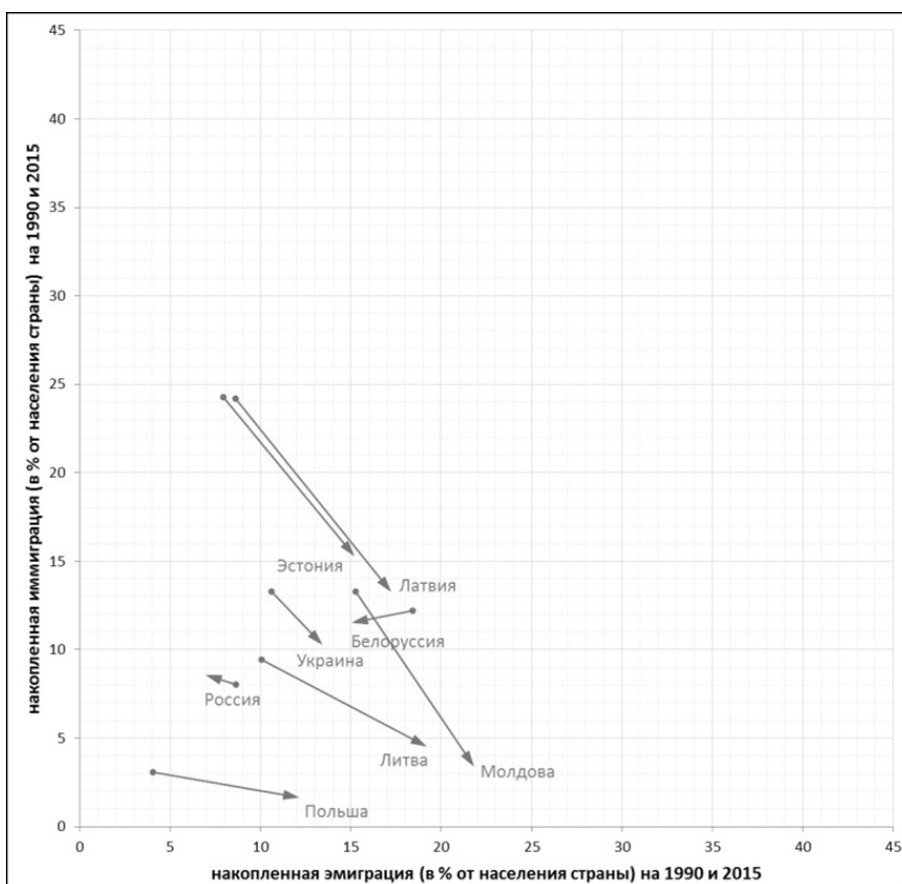

Рис. 2. Страны Европы, сменившие миграционный профиль с 1990 по 2015 г.

Составлено авторами на основе [7].

¹⁴ С 1990 по 2015 г. численность лиц, родившихся за пределами страны, сократилось в Беларуси на 13%, а в Украине — на 30%.

Снижение численности лиц, родившихся за пределами Польши в ее современных границах, произошло путем естественной убыли поколения поляков, переселившихся из СССР после окончания Второй мировой войны¹⁵.

В то же время в большинстве европейских стран за последние 25 лет увеличилось количество эмигрантов. Если в целом по Европе численность лиц, проживающих за пределами своей исторической родины, увеличилась на 21 %, то для стран Восточной и Юго-Восточной Европы данный показатель вырос более чем в 2 раза¹⁶ (см. рис. 2 и 4).

В результате разделение Европы на страны, принимающие и отдающие мигрантов в международном обмене населением, за последние десятилетия значительно возросло. Соотношение между количеством неместных уроженцев (накопленная иммиграция) и лицами, выехавшими из страны на жительство в другие государства (накопленная эмиграция), в наиболее экономически развитых европейских государствах имеет сегодня более чем двукратное превышение (рис. 3).

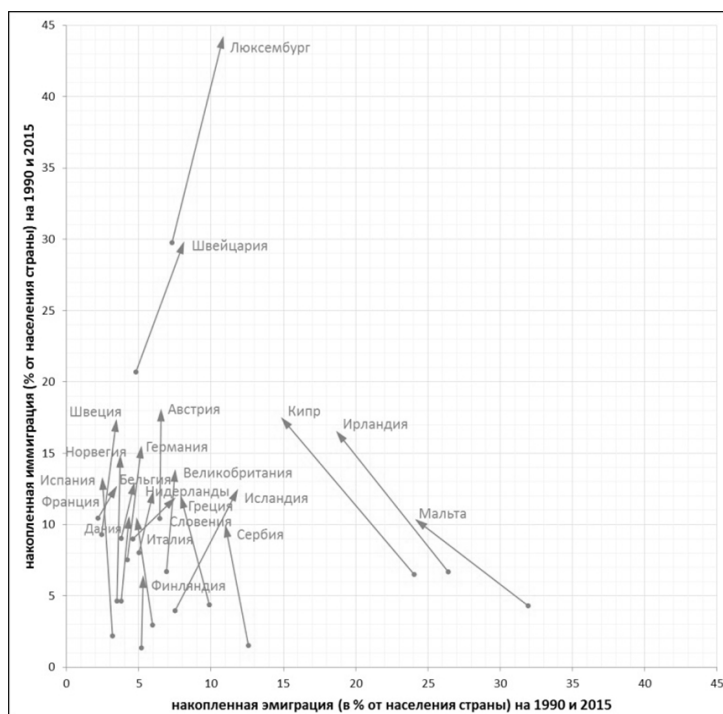

Рис. 3. Страны Европы с ростом накопленной иммиграции с 1990 по 2015 г.

Составлено авторами на основе [7].

¹⁵ По разным оценкам, с 1944 по 1957 г. из СССР, преимущественно с территорий Украины, Беларуси и Литвы, в Польшу переселились в добровольном и принудительном порядке от 2,0 до 2,5 млн поляков.

¹⁶ Исключением из этого тренда среди восточноевропейских стран стали две бывшие советские республики — Россия и Беларусь, в которых количество уроженцев, проживающих за пределами своей родины, снизилось на 16—17%.

При этом в ряде государств Юго-Восточной Европы, таких как Босния и Герцеговина, Албания, Болгария, Румыния, на одного жителя, прибывшего из-за рубежа, приходится от 10 до 50 эмигрантов. Примерный баланс между количеством иммигрантов и эмигрантов наблюдается сегодня только в 8 из 40 европейских государств, и эта «буферная» зона очень неустойчива во времени: страны Северной и Западной Европы (Финляндия, Исландия, Ирландия) очень быстро становятся странами иммиграции, а государства Восточной Европы (Эстония, Латвия, Украина) — всё в большей степени превращаются в страны эмиграции (см. рис. 3—4).

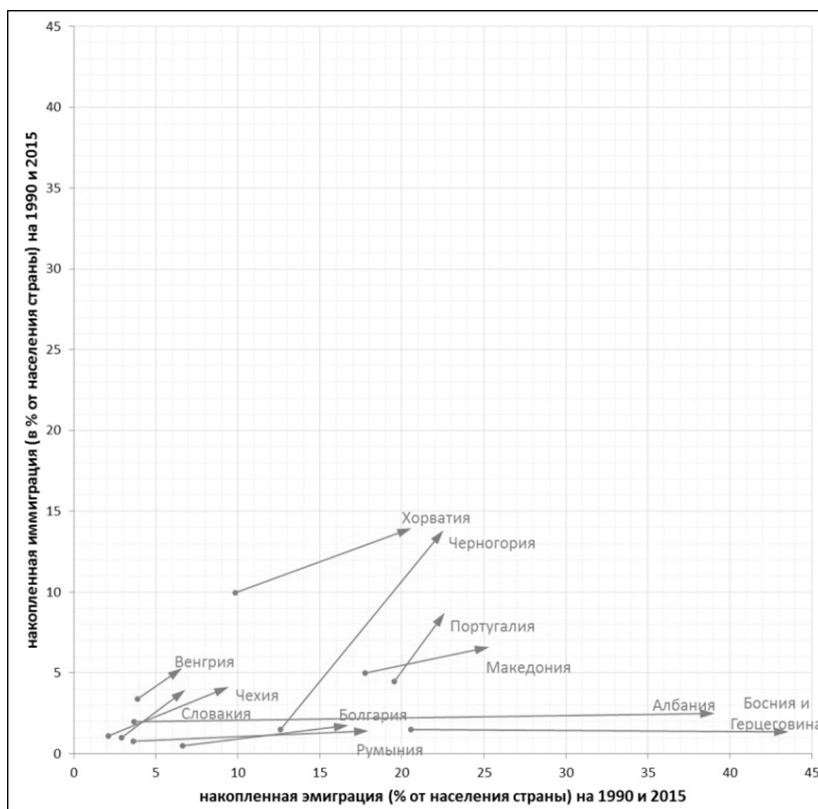

Рис. 4. Страны Европы с ростом накопленной эмиграции с 1990 по 2015 г.

Составлено авторами на основе [7].

Географическая избирательность миграционных связей, характерная для большинства европейских государств, позволяет говорить о необходимости проведения ими дифференцированной иммиграционной политики, что идет в разрез с представлениями об общеевропейских подходах в этой сфере. Единые принципы и нормы иммиграционного законодательства, разрабатываемые для всех государств ЕС, принципиально не учитывают национальной специфики отдельных европейских стран. Пример Великобритании, где отказ от применения иммиграцион-

ных норм, разработанных Еврокомиссией, стал одним из главных поводов для вынесения на референдум вопроса о выходе страны из состава ЕС, показал неприемлемость унификации миграционной политики.

Обострение миграционной ситуации в Европе в последние годы, связанное с новой волной иммигрантов из государств Африки и Ближнего Востока, свидетельствует о необходимости разработки и применения на практике новых подходов к миграционной политике. Эти подходы должны учитывать как исторически сложившиеся миграционные связи каждого европейского государства, так и возможности интеграции иммигрантов в местные социумы. Последнее зависит не только от количественных параметров миграционного потока, но и от происхождения иммигрантов, их этнической и религиозной принадлежности.

Сохранение и развитие отмеченных миграционных тенденций неизбежно приведет к трансформации всего социодемографического и этнокультурного пространства Европы. С точки зрения мировой истории эти изменения происходят стремительными темпами. Как отмечал в своей работе «Закат Европы» О. Шпенглер: «Что означает... продолжительность жизни в одно тысячелетие для каждой культуры по сравнению с отдельным человеком, чья жизнь длится 70 лет?» [19, с. 269]. Правда, со времен Шпенглера скорость всех социальных процессов значительно выросла и изменение облика Европы потребует уже не столетий, а много меньший временной срок. Если в эпоху Великого переселения народов (середина I тыс. н. э.) смена этнокультурного ландшафта европейского субконтинента растянулась на несколько столетий, то сегодня это происходит на наших глазах.

Список литературы

1. Анохин А. А., Житин Д. В. География населения с основами демографии : учебное пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. 307 с.
2. Болохов И. И. Глобализация по-китайски: опыт успешной адаптации // Геополитический журнал. 2015. № 1 (8). С. 104—109.
3. Большова Н. Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству-нации в условиях глобализации (на примере ФРГ) // Вестник МГИМО (Университета). 2009. № 5. С. 94—108.
4. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2003. 448 с.
5. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М. : Экспрос, 1993. 544 с.
6. Денисенко М. Б., Хараева О. А., Чудиновских О. С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М. : Изд-во ИЭПП, 2003. 314 с.
7. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Отдел народонаселения // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (дата обращения: 29.01.2016).
8. Житин Д. В. Пространственная неоднородность миграционного движения России в 1991—2010 гг. // Вестник С.-Петербург. ун-та. 2012. Сер. 7, вып. 4. С. 135—145.
9. Иванов К. П. Проблемы этнической географии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. 216 с.
10. Иноземцев В. Л. Иммиграция: новая проблема нового тысячелетия // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 64—72.

11. *Клоков К.Б., Ступин Ю.А., Хрущев С.А.* Региональные особенности динамики численности и расселения коренных малочисленных народов Севера России // Известия Русского географического общества. 2008. Т. 140, вып. 3. С. 45—50.
12. *Кондратьева Н.Б.* Миграция в Европе: реалии и вызовы // Современная Европа. 2015. №1(16). С. 147—149.
13. *Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Лачининский С.С.* Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. №3 (43). С. 25—38.
14. *Кузнецова Т.Ю.* Миграционные тенденции в странах Балтийского региона: пространственно-временной аспект // Балтийский регион. 2010. №4. С. 53—60.
15. *Миграционные проблемы в Европе и пути их решения* / под ред. Н.Б. Кондратьевой (отв. ред.), О.Ю. Потемкиной. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. 144 с.
16. *Мичурин В.А.* Теория этногенеза и будущее России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 232 с.
17. *Нарочницкая Е.А.* Иммиграционные потоки в Европу, экономический кризис и некоторые вопросы теории миграции // Актуальные проблемы Европы. 2013. №4. С. 10—38.
18. *Статистический Отдел ООН* // Официальный сайт National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp> (дата обращения: 16.01.2016).
19. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность / пер. с нем.; вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 663 с.
20. *Borjas G.* The Economic Benefits from Immigration // Journal of Economic Perspectives. 1995. N9 (2). P. 3—22.
21. *Brown A.* Do we need mass immigration & The economic, demographic, environmental, social & developmental arguments against large-scale net immigration to Britain. L.: CIVITAS, 2003. VI. 153 p.
22. *Ceobanu A.M., Escandell X.* Comparative analyses of public attitudes toward immigrants and immigration using multinational survey data: A review of theories and research // Annual Review of Sociology 2010. Vol. 36. P. 309—327.
23. *King R.* Towards a new map of European migration // International Journal of Population Geography. 2002. Vol. 8, N2. P. 89—106.
24. *Taylor J.E.* The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process // International Migration. 1999. Vol. 37, N1. P. 63—88.
25. *Tiilikainen M.* Looking for a safe place: Security and transnational Somali Muslim families // Journal of Religion in Europe. 2015. Vol. 8, N1. P. 51—72.
26. *Ueffing P., Rowe F., Mulder C.H.* Differences in attitudes towards immigration between Australia and Germany: The role of immigration policy // Comparative Population Studies. 2015. N40(4). P. 437—465.
27. *Weber H.* National and regional proportion of immigrants and perceived threat of immigration: A three-level analysis in Western Europe // International Journal of Comparative Sociology. 2015. N56(2). P. 116—140.

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru

Антон Иванович Краснов, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: antonkrasnov@rambler.ru

Александр Владимирович Шендрик, ассистент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: shen@mail.ru

Для цитирования:

Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 3. С. 75—92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5

GEOGRAPHY OF EUROPEAN MIGRATION

D. Zhitin*

A. Krasnov*

A. Shendrik*

*Saint-Petersburg State University

7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on February 19, 2016

In recent decades, the role of international migration has increased dramatically in most European countries. The growth in migration has made some authors proclaim the beginning of a second Migration Period that could transform the social and cultural identity of Europe. The article presents an analysis of international migration geography in Europe in the last twenty-five years. The authors identify the main trends in migration, provide migration profiles of European countries, and propose a classification based on the recent changes in the migrant stock. Changes in the migrant stock (total emigration and immigration) reflect the level of involvement in international and global processes. They can serve as an indicator of a country's attractiveness for both foreigners and the country's citizens. The study shows that European countries are increasingly split into 'immigrant' and 'emigrant' states. The authors describe spatial patterns of migration. The volume and localisation of migration flows in Europe are affected not only by cultural and historical circumstance, such as a colonial past or a common language. The scale of immigrant influx often does not depend on a donor country's demographic potential or the level of its socio-economic development. The links between the place of origin and destination are often more complex than it might initially seem. The authors stress the importance of a differentiated immigration policy taking into account ethnic and cultural features of host societies.

Key words: immigration, emigration, Europe, migration flow, immigration policy, migration ties.

References

1. Anohin, A. A., Zhitin, D. V. 2013, *Geografiya naseleniya s osnovami demografii* [Geography of the population with the basics of demography], St. Petersburg, 307 p. P. 151.
2. Bolohov, I. I. 2015, Globalizaciya po-kitajski: opyt uspešnoj adaptacii [Globalization in Chinese: the experience of successful adaptation], *Geopoliticheskij zhurnal* [Geopolitical journal], no. 1 (8), p. 104—109.
3. Bol'shova, N. N. 2009, Krizis «social'nogo gosudarstva» i massovaya migraciya kak vyzovy gosudarstvu-nacii v usloviyah globalizacii (na primere FRG) [The crisis of "social state" and mass migration as the challenges the nation-state in the context of globalization (in the example of Germany)], *Vestnik MGIMO University*, no. 5, p. 94—108.
4. Buchanan, P. J. 2002, *The Death of The West. St. Martin's Griffin*, 320 p.
5. Gumilev, L. N. 1993, *Ehtnosfera: Istoriya lyudej i istoriya prirody* [Ethnosphere History of people and the history of nature], Moscow, 544 p.
6. Denisenko, M. B., Haraeva, O. A., CHudinovskih, O. S. 2003, *Immigracionnaya politika v Rossijskoj Federacii i stranah Zapada* [Immigration policy in the Russian Federation and the countries of the West], Moscow, 314 p.
7. *United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division*, 2016, available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (accessed 16 January 2016).
8. Zhitin, D. V. 2012, Prostranstvennaya neodnorodnost' migracionnogo dvizheniya Rossii v 1991—2010 gg. [Spatial heterogeneity of Russian migration movement in 1991—2010 gg.], *Bulletin of St. Petersburg Univ. Ser. 7*, no. 4, p. 135—145.
9. Ivanov, K. P. 1998, *Problemy etnicheskoy geografii* [Ethnic geography Problems], St. Petersburg, 216 p.
10. Inozemcev, V. L. 2003, Immigraciya: novaya problema novogo tysyacheletiya [Immigration: the new challenge of the new millennium], *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, p. 64—72.
11. Klovov, K. B., Stupin Yu. A., Hrushchev, S. A. 2008, Regional'nye osobennosti dinamiki chislennosti i rasseleniya korennyh malochislennyh narodov Severa Rossii [Regional features of population dynamics and dispersal of indigenous peoples of the Russian North], *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 140, no. 3, p. 45—50.
12. Kondrat'eva, N. B. 2015, Migraciya v Evrope: realii i vyzovy [Migration in Europe: Realities and Challenges], *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 1(16), p. 147—149.
13. Kuznetsov, S. V., Mezhevich, N. M., Lachininskij, S. S. 2015, Prostranstvennye vozmozhnosti i ogranicheniya modernizacii rossijskoj ehkonomiki: primer Severo-Zapadnogo makroregiona [Spatial capabilities and limitations of the modernization of the Russian economy: the case of the Northwest macro-region] *Ehkonomika regiona* [The region's economy], no. 3 (43), p. 25—38.
14. Kuznetsova, T. Yu. 2010, Migration trends in the Baltic region states: the spatiotemporal aspect, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 48—54. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-4-5.
15. Kondrat'eva, N. B., Potemkina, O. YU. (eds.), 2015, *Migracionnye problemy v Evrope i puti ih resheniya* [The migration problem in Europe and the ways to solve them], Moscow, 144 p.
16. Michurin, V. A. 2008, *Teoriya ehtnogeneza i budushchee Rossii* [The theory of ethnogenesis and the future of Russia], 232 p.

17. Narochnickaya, E.A. 2013, *Immigracionnye potoki v Evropu, ehkonomicheskiy krizis i nekotorye voprosy teorii migracii* [Immigration flows in Europe, the economic crisis and some problems of migration theory], *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], no. 4, p. 10—38.

18. *United Nations. National Accounts Main Aggregates Database*, 2016, available at: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp> (accessed 29 January 2016).

19. Shpengler, O. 1998, *Zakat Evropy. Ocherki mirovoj istorii* [Decline of the West. Essays on the history of the world], Vol. 1. *Geshtal't i dejstvitel'nost'* [Gestalt and reality], Moscow, 663 p. P. 269.

20. Borjas, G. 1995, *The Economic Benefits from Immigration. Journal of Economic Perspectives*, Vol. 9, no. 2, pp. 3—22.

21. Ceobanu, A.M., Escandell, X. 2010, Comparative analyses of public attitudes toward immigrants and immigration using multinational survey data: A review of theories and research, *Annual Review of Sociology*, no. 36, p. 309—327.

22. King, R. 2002, *Towards a new map of European migration. International Journal of Population Geography*, Vol. 8, no. 2, p. 89—106.

23. Taylor, J.E. 1999, The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process, *International Migration*, Vol. 37, no. 1, p. 63—88.

24. Tiilikainen, M. 2015, Looking for a safe place: Security and transnational Somali Muslim families, *Journal of Religion in Europe*, Vol. 8, no. 1, p. 51—72.

25. Ueffing, P., Rowe, F., Mulder, C.H. 2015, Differences in attitudes towards immigration between Australia and Germany: The role of immigration policy, *Comparative Population Studies*, Vol. 40, no. 4, p. 437—465.

26. Weber, H. 2015, National and regional proportion of immigrants and perceived threat of immigration: A three-level analysis in Western Europe, *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 56, no. 2, p. 116—140.

About the authors

Dr Dmitry Zhitin, Associate Professor, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru

Anton Krasnov, Senior Lecturer, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: antonkrasnov@rambler.ru

Alexander Shendrik, Lecturer, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: shen@mail.ru

To cite this article:

Zhitin D. V., Krasnov A. I., Shendrik A. V. 2016, Geography of European Migration, Baltijskij region, Vol. 8, no. 3, p. 75—92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5.